

Потенциал агропродовольственных кластеров на трансграничных территориях России и Китая

Рассмотрен потенциал формирования агропродовольственных кластеров на трансграничных территориях России и Китая. Выявлен ряд недостатков создания кластеров в АПК России. Подчеркивается, что кластер в системе АПК выступает не только как основа для организации разного масштаба производителей сельскохозяйственной продукции на трансграничных территориях России и Китая, но и как дополнительный фактор извлечения эффектов коллаборации. Объединение в одну систему процессов производства, ее переработки и реализации позволит решить ключевые для обеспечения продовольственной безопасности страны проблемы.

***Ключевые слова:** кластер, агропродовольственный кластер, конкуренция, коллаборация, интегральные образования, синергетические эффекты, трансграничные территории.*

V. A. OSTANIN

The Potential of Agri-food Clusters in the Cross-border Territories of Russia and China

The potential of the formation of agri-food clusters in the cross-border territories of Russia and China is considered. A number of disadvantages of creating clusters in the AIC (agro-industrial complex) of Russia is identified. It is emphasized that the cluster in the AIC system acts not only as a basis for organizing different-scale agricultural producers in the cross-border territories of Russia and China, but also as an additional factor for extracting the effects of collaboration. Combining the production processes, recycling and sale of agricultural production into one system will allow solving the key problems for ensuring the country's food security.

***Keywords:** cluster, agri-food cluster, competition, collaboration, integrated formations, synergy, cross-border territories.*

ОСТАНИН Владимир Анатольевич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и мировой экономики. ostaninva@yandex.ru.

OSTANIN V. A. – Doctor of Economic Sciences, Professor at the Department of Economic Theory and World Economy.

* Владивостокский филиал Российской таможенной академии. 690034, г. Владивосток, ул. Стрелковая, 16 в.

Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy. 16 v, Strelkovaya Str., Vladivostok, Russian Federation, 690034.

Кластерный подход в экономических исследованиях позволяет избежать «туннельного» взгляда на проблему, купировать риски одностороннего воззрения на сложные и противоречивые процессы. В анализе прошлого, настоящего и планируемого будущего он в некоторой степени преодолевает абстрактность выводов исследователя. Однако то, что было сказано о методологическом подходе к исследованию любых социально-экономических процессов, в полной мере относится к объекту исследования данной статьи – процессу формирования агропромышленных кластеров на трансграничных территориях России и Китая, которые позволят решить ключевые для обеспечения продовольственной безопасности проблемы, в первую очередь, за счет объединения в одну систему взаимосвязанных процессов производства сельскохозяйственной продукции с переработкой и реализацией.

Под трансграничными территориями России и Китая в данной статье мы понимаем комплексную географическую структуру, которая включает в себя определенные природные ресурсы, объекты инфраструктуры, характер расселения населения с их хозяйственной деятельностью в границах крупной геосистемы [1, с. 61].

На трансграничные территории существенное влияние оказывает их близость и сопряженность с приграничными регионами, с которыми они могут частично перекрываться. При этом развитие приграничного региона постоянно находится под влиянием соседних государств, в нашем случае – Китая. Во внимание необходимо принимать его интересы к ресурсам России, приграничному рынку, транзитному потенциалу.

Китай как ключевой игрок на глобальном экономическом пространстве вынужден выходить вовне, не игнорируя при этом и свои интересы к освоению трансграничных территорий. При этом страна стремится формировать внешнюю благоприятную среду для решения задач внутреннего развития. Глубокая вовлеченность Китая в мировые хозяйственные связи, включая и его интерес к трансграничным территориям, формирует стремление защищать свои интересы, в том числе и силовыми методами [6, с. 47].

Россия глубоко заинтересована в сохранении добрососедских отношений с Китаем без ущерба своим геополитическим интересам. Хозяйственная деятельность на трансграничных территориях подкрепляется системой межгосударственных соглашений, международных договоров, призванных разрешать противоречия и конфликты, которые могут возникать между странами. При этом, как показывают некоторые исследования, к устойчивым интересам одной стороны другая может относиться либерально, либо устойчивые интересы могут проявлять друг к другу обе стороны, либо ни одна. Возможен вариант, когда страны имеют общую

границу, однако к трансграничным территориям могут проявлять интересы другие государства, стремясь реализовать свою модель геополитики.

Важным экономическим центром на Тихоокеанском побережье, имеющим уникальное экономико-географическое положение и соответствующий потенциал, можно считать Владивосток, который формировался как форпост на Дальнем Востоке России [1, с. 64–65]. Это и сегодня имеет громадное значение для развития трансграничной торговли, создания агропромышленных комплексов (АПК) на трансграничных территориях России и Китая, хотя масштабы взаимодействия китайский и российских сельскохозяйственных производителей здесь малы настолько, что их не отражает даже статистика. На долю России приходится около 2 % оборота внешней торговли Китая, а объем китайских инвестиций составляет не более 0,7 % [6, с. 60].

Кластер в самом широком понимании выходит за рамки частичного экономического субъекта, достраивая его до большей социально-экономической целостности. Разрозненные технологические операции и процессы начинают достраиваться, обогащаться последующими технологическими операциями, которые совершаются на предприятиях и организациях, входящих в предварительно оформленную экономическую сообщество. Абстрактность преодолевается их синтезом в границах большей экономической общности предприятий. При этом отметим принципиально важную специфическую черту новой экономической общности. Здесь отношения конкуренции за доли прибавочного продукта если и не исчезают окончательно, то начинают замещаться отношениями коллаборации. Разрушительные для предприятий отношения конкуренции, суть которых всегда сводится к борьбе за приобретение конкурентных преимуществ каждого в отдельности, трансформируются в отношения сотрудничества [8; 9; 12].

В кластере предприятия связаны так, что их ресурсы взаимодополняют друг друга в процессе выпуска конечной продукции. Производственно-технологические, финансовые связи могут быть как горизонтальными, так и вертикальными. При этом предприятия часто находятся в относительной близости, хотя с развитием средств доставки материалов, созданием единой глобальной сети обмена данными с использованием больших данных это условие уже не может быть доминирующим. Тем не менее кластеры позволяют обеспечивать территориальную локализацию всех взаимосвязанных предприятий и организаций. Тем самым расширяются возможности механизма самоуправления кластером.

Характерной особенностью кластера является и то, что взаимосвязанные предприятия привлекают в свою сферу деятельности в качестве равноправного субъекта и институты органов публичной власти, и организации

науки. В результате в кластер могут входить предприятия и организации самого широкого спектра отраслей и направлений деятельности, охватывающие все технологические процессы в одной ассоциации, что позволяет получить синергетический эффект [19]. Росту капитализации кластера способствует объединение его возможных участников, предоставляющих материальные, трудовые, финансовые, интеллектуальные, денежные ресурсы. В результате меняется характер взаимосвязей и взаимозависимостей внутри этого экономического объединения, что, в соответствии с теорией Й. Шумпетера, позволяет отнести формирующийся кластер к разряду инновационных [20].

Кластеры, которые формируются в сельском хозяйстве, имеют особенности, обусловленные природой сельскохозяйственного производства в России и на приграничных территориях Китая. К ним следует отнести сезонный характер сельскохозяйственного производства, необходимость взаимоувязки в единый процесс таких разнородных технологических операций, как выращивание продукции, ее обработка, хранение скоропортящихся продуктов, их транспортировка, что следует обеспечивать наиболее быстро, сохраняя потребительские свойства сельскохозяйственной продукции. Это можно обеспечить на основе интеграции как непосредственных производителей, так и обслуживающих этот процесс организаций, например, коммерческих банков, страховых компаний и др. [19].

Государство не только оказывает материальную поддержку созданию, в первую очередь, инновационных кластеров, но и формирует правила, в соответствии с которыми реализуется кластерная политика [10]. Повышение эффективности использования кластерного потенциала определено как главное направление повышения конкурентоспособности и диверсификации российской экономики. В качестве приоритетных направлений кластерной политики определены более высокие темпы экономического роста и диверсификации экономики за счет повышения конкурентоспособности предприятий, специализированных производственных и сервисных услуг, научно-исследовательских и образовательных организаций и структур. Последние могут и должны входить в состав территориально-производственных кластеров. Эффективность взаимодействия усиливается за счет их близкого территориального расположения, что одновременно предполагает облегчение доступа к инновациям, передовым технологиям, ноу-хау, а также к специализированным услугам и высококвалифицированным кадрам.

Важным фактором роста эффективности промышленных и агропроизводственных кластеров является снижение транзакционных издержек. Это логическое следствие работ Рональда Коуза. В настоящее время транзакционные издержки могут достигать 40–50 % их совокупной величины.

Отношения конкуренции, которые в отдельных случаях могут нести разрушительный характер для всего бизнес-сообщества, частично замещаются отношениями сотрудничества путем формирования и реализации совместных проектов, развивая кооперационные связи. Межструктурная конкуренция трансформируется в конкуренцию между кластерами, которые могут приобретать межстрановую специфику. Это положение становится фактором привлечения прямых иностранных инвестиций и активизации внешнеэкономической интеграции в общем тренде нарастания глобализационных процессов.

Следующим моментом в понимании процесса роста кластеризации экономики является купирование рисков для предприятий и организаций, входящих в структуру кластера. Это положение было развито Ф. Найтом в его известной монографии «Риск, неопределенность и прибыль» [11].

Кластер объективно в большей мере способен представлять данные о будущих возможностях нового организационного объединения, т. к. происходит аккумуляция неопределенностей. Функционирующий прежде рыночный механизм между отдельными предприятиями замещается отношениями координации на основе требований, налагаемых обязанностей внутри кластера. По идее А. Маршалла, кластер как новая интеграционная организация становится четвертым фактором производства. Если следовать теории Дж. Б. Кларка, то кластер как интеграционное объединение приобретает функции координации в своей производственно-технологической деятельности. Также развитие теории международного кластера мы можем обнаружить в положении, высказанном Дж. Робинсон. В нашей трактовке кластер можно, вслед за Дж. Робинсон, рассматривать как организацию, в которой обнаруживаются «островки сознательной власти в этом океане бессознательной конкуренции, подобно сгусткам масла, сбивающимся в бадье с пахтой» [5].

Кластер хотя и становится новым интеграционным объединением, тем не менее сохраняет прогрессивную модель разделения труда и производства на предприятиях, которые в него входят. Однако эта модель становится уже более сложной, что формирует потребность в дальнейшем углублении дифференциации, а следовательно, порождает необходимость в более сложных интегрирующих силах и соответствующих тенденциях, без которых неизбежно наступит хаос во взаимосвязях. И если за пределами кластера производство и распределение в основном подчинено движению цен, то в системе кластера рыночные сделки уже приобретают элементы плановости, т. е. сознательно поддерживаемой пропорциональности (*die Planmäßigkeit* – нем.).

Факторы риска, прибыли и неопределенности в формировании кластеров не рассматривались детально в научной отечественной и иностранной

литературе. Кластеризация позволяет создать материальные предпосылки в новой организационной структуре по снижению полной неопределенности, переводя ее в разряд «определяемой неопределенности», или, собственно, риска. Последнее становится особенно значимым для предпринимательских структур, реализующих инновационные проекты. В теории Ф. Х. Найта на прибыль в его собственной трактовке могут рассчитывать только предприниматели, которые по сути всегда являются инноваторами, все остальные – на факторные доходы, роялти, ренту.

В границах кластера, в котором все или многие операции сопряжены с планированием, внутрифирменным прогнозированием, стороны уже не рассматривают своих агентов как соперников в конкурентной борьбе, а следовательно, не относятся к ним как некоторому социально-экономическому средству в достижении своих частных интересов. Суть последних, как правило, сводится к получению большей прибыли, достижению большей эффективности за счет угнетения, доминирования над интересами другой стороны. Данная позиция полностью укладывается в концепцию, максимуму великого представителя немецкой классической философии XVIII в. И. Канта. Суть его максимы отношений в преломлении к предмету и объекту исследования в данной статье сводилась бы к следующему: не относиться к сопряженному в едином технологическом процессе предприятию как средству, а относиться к нему как средству и цели одновременно. Значит, борьба за большую долю чистого дохода начинает трансформироваться в интерес совместного производства конечного продукта, что предполагает оказание помощи, создание благоприятных режимов для всех экономических субъектов. Методическими рекомендациями, утвержденными Министерством экономического развития РФ [10].

Наконец, если не отягощать понятие конкуренции нехарактерными для этого термина признаками, а также не вводить некоторые несущественные пояснения, часто уводящие исследователя в сторону от генеральной линии понимания конкуренции в системе, когда кластеры еще не сформировались, то конкуренцию, конкурентную борьбу следует отнести к состоянию неэффективного равновесия экономических систем [12, с. 8]. Это положение было аргументировано А. О. Курно в его работе «Исследования математических принципов теории богатства» (1838 г.). Если отсутствует любое интеграционное объединение, в том числе и кластер, то ни у одного предприятия не будет иного инструмента, кроме манипулирования ценами, т. к. производственный потенциал должен однозначно использоваться полно. Но тогда любое изменение цен будет приводить к потере дохода. В результате «равновесие по Курно» может иметь место при «некооперативном поведении» игроков, что характерно для конкуренции. Таким образом, теория А. О. Курно может быть распространена

и на взаимоотношения внутри кластера, которые всегда могут проводить «кооперативную политику».

Кластер формирует материальные и организационные предпосылки для частичного перехода от конкуренции к «островкам сознательной власти». Поэтому кластер появляется на определенном этапе экономического развития мировой экономической системы. И если конкуренция не приемлет становление сознательно поддерживаемой целостности, то кластер эту проблему частично разрешает. Если не формируются органы, которые характерны для новой экономической целостности, то доминирование сильного неизбежно ведет к подавлению слабых. В этой борьбе за выживание господствует стихия, которую следует рассматривать как «бессознательное сознательного», по А. А. Богданову [2; 3].

Кластер создает предпосылки для кооперативного управления в границах нового интегрального образования. В данном отношении вполне уместно употребление понятия субъекта, в котором проявляется заинтересованность всех других участников единого производственно-технологического цикла. Здесь актор трансформируется в полноправный субъект, интересы которого имеют значение для всех участников экономического сообщества.

Это позволяет решить следующие важные проблемы. Каждый экономический субъект может углублять свою специализацию, максимально извлекая экономические эффекты от разделения труда и производства, и одновременно купировать риски, которые неизбежно будут присутствовать уже потому, что производитель будет сохранять признаки своего частичного производителя товаров и услуг. Эта общность позволяет использовать дополнительные, или комплементарные эффекты за счет того, что возможно относительно безрисковое использование потенциала других субъектов. Данный эффект объясняется природой синергии. Синтез в объединении становится более логичным, ибо это не нарушает интересы ни одного из участников процесса.

Это явление, возникающее в результате использования потенциала внутри сообщества, которое сохраняет специализацию, но одновременно как целое начинает извлекать эффекты, которые прежде были недоступны, либо их получение было связано с большими экономическими издержками, относится к эффекту синергии, который возможен в границах кластера. При этом следует признать, что эффективные кластеры могут как самоорганизовываться, так и формироваться с помощью привлеченного политического, экономического потенциала государства. Однако самоорганизация всегда проходит в течение более длительного времени. Примером этому может служить Силиконовая долина, Калифорнийский винодельческий кластер, достигший экономической зрелости только через 30–40 лет.

Последнее становится особо актуальным для экономики России, которая переходит на иной уровень системного функционирования. Здесь уже конкурируют не отдельные компании и даже кластеры, а системы кластеров и глобальные производственные игроки-системы, ориентированные на получение вышеописанного «Эффекта системы». Это, по мнению некоторых авторов, уже на порядок повышает общую эффективность и конкурентоспособность экономического объединенного и взаимоувязанного общими интересами кластера. Тем более, согласно некоторым исследованиям, благодаря синергии эффективный кластер в аграрном секторе может быть сформирован в течение 1–5 лет [18, с. 156].

В настоящее время отмечается формирование так называемого мегатренда, суть которого – рост наукоемкости и кластеризации [16; 17]. Развитие кластеров опирается на институциональную поддержку государства, включая стратегическое планирование развития кластеров, усиление информационного взаимодействия, стимулирования сотрудничества, развитие механизмов поддержки проектов на повышение конкурентоспособности предприятий и организаций, входящих в кластер.

Исследование предпосылок и процессов формирования кластеров в АПК имеет относительно недолгую историю. Особым предметом научного интереса становится изучение российской модели агропромышленных кластеров. В качестве исходного положения отметим, что глобализация, а также системный экономический кризис выявили глубокую взаимосвязь и взаимозависимость как экономик, так и отраслей по производству продуктов питания. Кластер есть не суммативное образование сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий, а только тех, в основе которых лежат инновационные технологии, тесные многоуровневые технологические взаимосвязи, что отличает агропродовольственный кластер от форм традиционной кооперации, основанной на разделении труда [15, с. 131]. Как показывают современные исследования, подобные кластеры начинают создаваться в различных регионах России, в частности в Самарской, Тамбовской областях, Приморском и Хабаровском краях.

Первый опыт создания кластеров в АПК выявил ряд недостатков:

- отсутствие концепции развития аграрных кластеров. Без устранения этого недостатка возможны ошибки и провалы в начинаниях;
- отсутствие стратегии развития агропромышленных кластеров;
- нет четко сформулированного понятия «агропромышленного кластера».

Формирование агропромышленного кластера позволит решить ключевые для обеспечения продовольственной безопасности проблемы. Это будет достигаться, в первую очередь, за счет объединения в одну систему взаимосвязанных процессов производства сельскохозяйственной

продукции с переработкой и реализацией. Будет существенно упрощена процедура согласования интересов всех участников благодаря созданию единой системы управления агропромышленным производством. Включение в кластер финансово-кредитных организаций обеспечит большую финансовую устойчивость как отдельных предприятий, так и кластера в целом. Это будет возможно благодаря взаимному кредитованию участников, повышению доступности финансовых ресурсов.

В настоящее время в России функционирует три типа кластеров – территориальных (региональных) групп внутри одного или нескольких родственных секторов промышленности:

а) промышленные кластеры, которые часто привязаны к научным учреждениям и университетам;

б) вертикально интегрированные, создающие вертикальные производственные цепи;

в) кластеры, объединяющие большое количество участников, привязанные в основном к какой-то отрасли, например, химический кластер, агропродовольственный кластер и др.

Западная практика вводит еще один тип кластеров, который представляет собой совокупность малых предприятий, технологически привязанных к крупной организации-монополисту. Здесь речь идет о специализации по производству и реализации товаров-полуфабрикатов по заказам головной организации.

Устойчивость и надежность кластера, по данным отечественных и иностранных исследований, основана на некоторых базовых принципах. К ним следует отнести добровольность при выборе контрагентов и партнеров, интеграцию снизу, когда хозяйствующие субъекты, нацеленные на достижение эффективности, объединяются по собственной инициативе. Государство стремится при этом создать экономические условия, выступая в качестве равноправного, а не доминирующего партнера.

Обязательным условием становится организационная целостность всех интегрированных структур, с выделением ведущего звена и приоритетного направления деятельности. Важно также участие торгового капитала и вовлечение в процесс агропроизводственной интеграции инвестиций и инноваций [14, с. 69, 70].

Некоторые субъекты Российской Федерации по собственной инициативе разработали стратегические приоритеты развития агропродовольственных кластеров. Для их воплощения предлагается продвижение проектов в форме «Инвест-калькулятора» – разработка и запуск цифровой платформы, позволяющей в конечном счете ввести технологию «одного окна». Предполагается, что число участников проекта должно составить около 500 единиц, которые войдут в кластерную структуру. Следующий

проект – «Стимул» – включает формирование системы приоритетов для стимулирования потенциальных инвесторов в проекты инвестиционных технологий. «Агропромпарк» представляет собой инновационно-инвестиционный проект, в соответствии с которым должны быть созданы центры с развитой инженерной инфраструктурой. Это позволит представителям малого и среднего бизнеса на основе сформированных кооперативных связей получить доступ к передовым технологиям сельскохозяйственного производства [4, с. 36, 37].

Современная специфика формирования агропроизводственных кластеров в Российской Федерации учитывает реализуемую политику импортозамещения и санкции, которые применены к России и ее бизнес-структурам. Особенностью является алгоритм реализации политики импортозамещения с учетом специфики каждого отдельного региона. Целевая политика должна приобретать черты эволюционности, с подразделением на краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный периоды. В краткосрочный период необходимо решать вопросы политики импортозамещения потенциала, принимая во внимание риски обеспечения продовольственной безопасности. Среднесрочный приоритет – акцент на решение проблемы технологической модернизации аграрного производства. Долгосрочный период – это формирование и переход к новому технологическому укладу на основе цифровых технологий.

В системе агропродовольственного кластера создаются предпосылки для государственного планирования использования сельскохозяйственных земель под конкретные виды сельскохозяйственных культур. В качестве государственных инструментов, направленных на стимулирование производства зерна, могут быть использованы:

- активное применение инновационных технологий при производстве зерна;
- поддержка инновационных проектов строительства заводов по глубокой переработке и изготовлению комбикормов, элеваторов, зернохранилищ;
- усиление интеграционных взаимосвязей между отраслями, которые используют одинаковый вид сырья.

Серьезной проблемой остается вовлечение в кластер потенциала фермерских и личных подсобных хозяйств и их участие в экономических взаимоотношениях с сельскохозяйственными и перерабатывающими предприятиями. В рамках кластера следует преодолеть проблему неэквивалентного отношения крупных сельскохозяйственных игроков и представителей мелкотоварного сельскохозяйственного производства [4, с. 39, 40].

Так, сельскохозяйственные предприятия в Китае и России объединяют различные формы сотрудничества и кооперации в сферах

производства сельскохозяйственной продукции, ее переработки и продажи в единое целое. Это создает предпосылки мелким фермерам интегрироваться в специализированные производственные комплексы и базы крупномасштабного сельскохозяйственного производства. Китайские сельхозпроизводители имеют возможность применять самый передовой инновационный опыт обработки почвы, выращивания продукции, что безусловно является существенным конкурентным преимуществом по сравнению с российскими фермерами.

Российские же собственники сельскохозяйственных угодий предпочитают сдавать их китайским предпринимателям в аренду. «И хотя переуступка прав собственности сельскохозяйственных угодий иностранцам запрещена, тем не менее заключение договоров аренды на срок до 49 лет практически эту проблему решает. Но аренда, как это известно из мировой практики, может приводить к хищническим формам эксплуатации земли, делая ее непригодной к концу срока заключения договора аренды» [7].

Дополнительно отсутствие развитой инфраструктуры, низкое качество рабочей силы, более того, ее практически полное отсутствие для реализации инвестиционных проектов на выделенных гектарах привело к тому, что интерес к сельскохозяйственному освоению территорий Дальнего Востока резко снизился. Часто земли берутся не с целью развития сельскохозяйственного производства, а под строительство жилья с организацией подсобного хозяйства.

Агропродовольственные кластеры, которые были бы созданы на объединенных ресурсах сельскохозяйственных производителей России и Китая, могли существенно улучшить положение российских фермеров на трансграничных территориях, решить проблему отсутствия информации о сделках «мелких фермеров», обреченных участвовать в «большом рынке». Одновременно кластеры сыграли бы роль «моста» в процессе встраивания фермеров в большие цепи продвижения продукта к потребителям как в России, так и в Китае.

По исследованиям Чжан Сяо Шань, крупномасштабные фермерские хозяйства несут меньшие риски по сравнению с малыми фермерами. Также на последних приходятся и большие доли транзакционных издержек [21].

Определенной новацией в сфере создания интеграционных объединений в Китае следует назвать опыт города Учан в провинции Хэйлунцзян. Фактически мы можем говорить о созданном АПК-кластере, представляющем собой модель интегрального объединения – «крестьянское хозяйство, плюс сельскохозяйственные кооперативы, плюс сельскохозяйственная база, плюс сельскохозяйственное перерабатывающее предприятие».

Только фактор инновационной интеграционной модели способствовал быстрому развитию рисоводства в провинции, а также производственной переработки сельскохозяйственного сырья, животноводства и других специальных товарных культур. К концу 2018 г. в сельскохозяйственный оборот было вовлечено 97 115,2 га сельскохозяйственных земель, на которых активно внедрялись такие проекты, как глубокая переработка сельскохозяйственной продукции и производство экологически чистых продуктов питания. Этот механизм сотрудничества не только обеспечивает интересы фермеров, но также повышает уровень развития сельского хозяйства на местном уровне [21].

Проблема, которую необходимо разрешать в процессе создания интегральных форм кооперации и сотрудничества между китайскими и российским фермерами и другими производителями сельскохозяйственной продукции, будет заключаться в корректном распределении прав собственности, рисков, прибыли, налогов и организации страховой защиты на трансграничных территориях. Проблемы присвоения и распределения прибавочного продукта будут оставаться в центре внимания, генерируя конфликтно-компромиссную ситуацию [13]. Полагаем, что такая форма интеграции, как сельскохозяйственный кластер, позволит частично разрешить это противоречие. Кластер в системе АПК следует рассматривать не только как основу для организации фермеров на трансграничных территориях России и Китая, но и как дополнительный фактор извлечения эффектов коллаборации для сельскохозяйственных товаропроизводителей. В конечном счете эта интеграционная форма позволит повысить конкурентные преимущества за счет синергетических эффектов из самой формы организации. Это дает нам основания для вывода о том, что сельскохозяйственной кластер на трансграничных территориях следует рассматривать как самостоятельный фактор повышения эффективности сельскохозяйственного производства.

Для этого должны быть созданы условия самоорганизации, о чем было заявлено в данной статье выше. Должны быть преодолены крайности в проявлении политики стимулирования конкуренции и кооперации. Ни одна из отмеченных тенденций не может полностью отрицаться. Подобная специфика обнаруживается и в структуре крупных сельскохозяйственных холдингов. Отличие классического сельскохозяйственного кластера от крупного агропромышленного холдинга, как это нам представляется, видится в том, что в аграрном холдинге самоорганизация осуществляется директивно, воплощая волю доминирующих стейкхолдеров, а в классическом кластере эта самоорганизация осуществляется на основе рыночных механизмов и инструментов.

Список литературы

1. Бакланов П. Я., Романов М. Т. Геополитические факторы развития трансграничных регионов // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2010. № 2(514). С. 60–71.
2. Богданов А. Очерки организационной науки. URL: <http://www.uic.unn.ru/pustyn/lib/bogdanov.ru.html> (дата обращения: 16.07.2021).
3. Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука: в 2-х кн. Кн. 1 / редкол.: Л. И. Абалкин (отв. ред.) [и др.]; Отделение экономики АН СССР; Ин-т экономики АН СССР. М.: Экономика, 1989. 304 с.
4. Иванова Е. В. Формирование и развитие агропродовольственных кластеров в условиях политики импортозамещения: автореф. дисс. ... д-ра экон. наук. Воронеж, 2018. 50 с.
5. Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Новое издательство, 2007. 224 с.
6. Ларин В. Л. Глобальный Китай: возрождение Срединной империи или борьба за выживание? // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2020. № 4(93). С. 47–67.
7. Ли Д. Интеграционные формы фермерских хозяйств и их кооперационные возможности в Китае и России // Трансграничная экономика. 2019. № 3. URL: http://cross-bordereconomy.ru/2019_3/2019-3-6.pdf (дата обращения: 16.07.2021).
8. Ли Д., Останин В. А. Коллаборационная теория интегральных организационных форм хозяйствования // Известия Байкальского государственного университета. 2020. Т. 30, № 2. С. 273–280. DOI: 10.17150/2500-2759.2020.30(2).273-280.
9. Ли Д., Останин В. А. Интегральные формы организаций в концепции «делового предприятия» Т. Веблена // Экономика и предпринимательство. 2019. № 9 (110). С. 951–953.
10. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации (утв. Министерством экономического развития РФ, письмо № 20615-ак/д 19 от 26.12.2008). URL: <https://sudact.ru/law/metodicheskie-rekomendatsii-po-realizatsii-klasternoi-politiki-v/metodicheskie-rekomendatsii/> (дата обращения: 16.07.2021).
11. Найт Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль: [пер. с англ.]. М.: Дело, 2003. 360 с.
12. Останин В. А. Коллаборация как форма разрешения противоречий конкуренции // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2019. № 4(92). С. 5–16. DOI: <https://dx.doi.org/10.24866/2311-2271/2019-4/5-16>.
13. Останин В. А. Философия присвоения: монография. Владивосток: РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2011. 300 с.
14. Семина Л. А., Ковалева И. В. Агропродовольственный кластер: проблемы и развитие инновационно-инвестиционной деятельности // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2017. № 1. С. 67–80.

15. Фролова О. А. Агропромышленные кластеры: российская модель // Вестник НГИЭИ. № 2(3), т. 1.

16. Хухрин А. С. Концепция кластерной политики в сельском хозяйстве Российской Федерации // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2011. № 6. С. 53–59.

17. Хухрин А. С., Примак А. А., Семаева И. А., Попова Н. И. Концепция развития аграрных кластеров: системно-синергетический подход // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2008. № 12. С. 32–37.

18. Хухрин А. С., Толмачева Н. П., Рожков Б. М. Создание аграрных кластеров: методология синергетики // Евразийский союз ученых (ЕСУ). 2015. № 5(14). (Сельскохозяйственные науки). С. 156–160.

19. Чемоданова Е. В. Кластерный подход в инновационном развитии АПК региона // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3.

20. Шогенцукова З. Х., Махова И. В., Батырова А. М. Понятие агропромышленных кластеров и особенности их деятельности в России // Вектор экономики. 2018. № 5(23). С. 55.

21. 张晓山. 促进以农产品生产专业户为主体的合作社的发展-- 以浙江省农民专业合作社的发展为例 // 中国农村经济 = Чжан Сяо Шань. Содействие развитию кооперативов с участием специалистов сельскохозяйственного производства в качестве основного органа на примере развития профессиональных фермерских кооперативов в провинции Чжэцзян // Сельская экономика Китая. 2004(11):4-10.

© Останин В. А., 2021

© Ostanin V. A., 2021

Для цитирования:

Останин В. А. Потенциал агропродовольственных кластеров на трансграничных территориях России и Китая // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2021. № 3(96). С. 99–112.